УЗМА ДЖАЛАЛУДДИН

ТЕТУШКА-ДЕТЕКТИВ

Fiction
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
Д40

Uzma Jalaluddin
DETECTIVE AUNTY

Перевод с английского Александра Яковлева
Дизайн обложки Катерины Анфилатовой

Джалалуддин, Узма

Д40 Тетушка-детектив : роман / Узма Джалалуддин ; [пер. с англ. А. Яковлева]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Высокое напряжение. До смерти иронично).

ISBN 978-5-389-28120-2

— У меня неприятности. Произошло убийство, и я главная подозреваемая.

С этими словами Каусар Хан позвонила дочь Сана. В ее бутике модной индийской одежды нашли труп. Кто-то заколол Имрана, владельца торгового центра, в котором Сана арендовала помещение, и все улики указывают на нее.

Полная решимости помочь дочери, Каусар впервые за почти двадцать лет отправляется в Торонто, откуда бежала после трагической гибели младшего сына.

Вернувшись в Золотой Полумесяц, где она вырастила своих детей и где до сих пор живут почти все ее родственники и добрые друзья, Каусар обнаруживает, что некогда процветавший район изменился. Убийство Имрана — лишь звено в череде нераскрытых преступлений.

Каусар Хан — женщина с острым взглядом и умением разбираться в людях, отточенным годами, — чувствует, что за этой историей скрывается нечто большее, чем рассказывает ее дочь. Заручившись поддержкой старых друзей и своей отважной внучки-подростка, она начинает расследование.

ВЕДЬ КТО МОЖЕТ ВЫВЕСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ НА ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР ЛУЧШЕ, ЧЕМ МИЛАЯ И С ВИДУ БЕЗОБИДНАЯ ТЕТУШКА?

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-28120-2

© 2025 by Uzma Jalaluddin
© Яковлев А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог

Каждая душа вкусит смерть. Имран помнил эту фразу с детства, из уроков с матерью; для него, шестилетнего мальчика, эта фраза из Корана ничего не значила. Тогда его мысли задержались лишь на том, что у смерти есть вкус — и он, очевидно, какой-то особенный, — а потом перескочили на то, какую бы еду потихоньку стащить на кухне. Теперь, почти пятьдесят лет спустя, вдали от родной Индии, Имран понял, что у смерти действительно есть вкус: он металлический и едкий. Он несет с собой ужас, отчаяние и, наконец, сверхъестественное спокойствие.

Имран знал, где он находится и что происходит. В те последние мгновения, когда еще была возможность двигаться и действовать, он пытался спастись. Теперь он лежал на полу, тело отяжелело и застыло в неловкой позе, а постепенно сужающееся поле зрения застилал мрак. Внезапная вспышка боли, словно что-то сдвинулось в центре груди, сменилась тупым неотступным давлением.

Имрану хотелось рычать от обиды. Отец дожил до старости и умер в окружении близких. Разве сам он этого не заслужил?

Рядом вновь послышались шаги, затем навалилась какая-то тяжесть. Теперь уже скоро. Тьма подступила совсем близко; Имран чувствовал, что некая смутная фигура поджидает его, проводя по его лицу и телу призрачными пальцами.

Что бы там ни рассказывала мать, он не верил в загробную жизнь. Только теперь он впервые подумал о суде, который, как обещали, состоится в могиле, — ангелы, усевшись ему на грудь, вынесут приговор: наказание, боль или покой. Тело Имрана сотрясла судорога, оно в последний раз затрепетало от холода. Он знал, чего заслуживает, и эта мысль приводила его в ярость, вызывала желание причинить кому-нибудь боль.

С последним выдохом он произнес свои последние слова. Шаги внезапно замерли: некто застыл на месте. Наконец-то он заставил кого-то себя выслушать.

Имран Тхакур умер со слабой улыбкой на устах, довольный тем, что оставляет мир несколько худшим, чем тот был в момент его появления на свет.

Глава 1

Один из самых страшных телефонных звонков в жизни Каусар Хан раздался обычным утром, поменяв в ее мире все, от уклада до смысла.

С тех пор как у ее мужа Хасана диагностировали рак поджелудочной железы, прошло шестнадцать месяцев, со дня его смерти — почти год. В то утро Каусар проснулась, не подозревая о грядущем хаосе. Но если она за свои пятьдесят семь лет чему-то и научилась, так это остерегаться периодов безмятежного спокойствия.

После телефонного разговора, длившегося двадцать три секунды, она долго сидела, уставившись в пустоту, лишь краешком сознания воспринимая привычную и надежную обстановку уютной гостиной: мягкое кресло, в котором Хасан провел первый месяц после постановки диагноза; каменный камин, затопить который они собирались каждую зиму, но так и не собрались; обтянутый кремовой тканью диван, на который она только что бессильно опустилась; деревянный кофейный

столик, где стояла чашка быстро остывавшего чая[1] и лежала стопка книг Агаты Кристи в мягких обложках. Они с мужем оба любили детективы, хоть он и ворчал, что Каусар слишком легко угадывает, кто убийца.

Вся обстановка просторной комнаты, которую она оформила в бежевых и темно-синих тонах, поселившись семнадцать лет назад в этом аккуратном бунгало, угнетала ее теперь, когда она пыталась осмыслить услышанное.

«Амми[2], — чересчур спокойным тоном произнесла в телефон ее старшая дочь Сана. — Ты мне нужна. Приезжай в Торонто. Срочно».

Каусар не смогла вымолвить ни слова, парализованная двумя взаимоисключающими мыслями: во-первых, ей никак нельзя возвращаться в Торонто, а во-вторых, если дочь об этом просит, значит, случилось что-то ужасное.

Сана продолжала тем же странно спокойным голосом, словно говорила о чем-нибудь простом, обыденном... и неизбежном:

«У меня неприятности. Произошло убийство, и я главная подозреваемая».

— Сану подозревают в убийстве? Поверить не могу! — повторила Мэй Килдэр, лучшая подруга Каусар в Норт-Бее. Она примчалась через час после того, как Каусар отправила ей сообщение: «Я лечу в Торонто. Сможешь отвезти меня в аэропорт?»

---

[1] Имеется в виду индийский напиток чай масала, с молоком и специями.

[2] Мама (*урду*).

Мэй, белая женщина, родившаяся и выросшая в этом городке Северного Онтарио, была одета, как обычно, в леггинсы и безразмерную рубашку, которая только подчеркивала ее миниатюрную фигуру. Теплый апрельский ветер, залетавший в открытые окна старенького темно-зеленого джипа, тщетно пытался растрепать ее светлые волосы, уложенные в короткую прическу: на прошлое Рождество дети в шутку подарили Мэй огромный флакон лака для волос.

Не отрывая взгляда от шоссе, Мэй вела машину строго со скоростью пятьдесят километров в час — на десять меньше официального ограничения, на двадцать меньше неофициального. Какой-то внедорожник, посигналив, подрезал ее, но она не обратила на это внимания. Хорошо хоть, что подруга отложила расспросы о причинах столь спешной поездки, пока они не отправились в аэропорт. Ответить ей Каусар смогла далеко не с первой попытки: она сама до сих пор не могла поверить в происходящее.

Моя дочь, Сана Хан, тридцати шести лет от роду, проживающая в Торонто, замужняя мать двоих детей, подозревается в совершении убийства и находится сейчас в полицейском участке в ожидании ареста и предъявления обвинения.

Кто был убит? Когда? Как? У Каусар не было ответов на вопросы подруги. Все, что она могла сделать, — мысленно проставить галочки, готовясь впервые за долгие годы покинуть Норт-Бей. Заказать билет на рейс в тот единственный на свете город, который она надеялась никогда больше не увидеть, — сделано. Собрать дорожную сумку — сделано. Успокоиться — не получилось, но она пыталась.

До Торонто всего четыре часа езды на машине, но Каусар уже семнадцать лет не садилась за руль. Мэй знала почему и все годы их дружбы безропотно выполняла обязанности шофера. Они познакомились, когда собственная жизнь казалась Каусар разбитой; подруга помогла ей собрать осколки и построить новую. Она почувствовала прилив благодарности — даже теперь Мэй понимала: нужно дать Каусар спокойно посидеть и подумать, что делать дальше. Первым делом, добравшись до Торонто, сразу поехать к Сане домой и позаботиться о внучках; Сана ясно дала понять, что в полицейский участок идти не следует.

— Когда она сказала, что ее арестовали, у меня в голове помутилось, — произнесла Каусар вслух. — Ах, если бы Хасан был со мной. Он бы знал, что делать.

— Хасан рад, что ты здесь и можешь позаботиться о детях в его отсутствие. А ты более чем способна это сделать, — сразу же заверила ее Мэй. Она была на десять лет старше, у нее имелось четверо детей и двенадцать внуков (и ожидалось пополнение). Они познакомились в местной библиотеке вскоре после переезда Каусар в Норт-Бей и сблизились на почве общей любви к Луизе Пенни[1]. — Не исключено, что возвращение в город даже пойдет тебе на пользу, — добавила она, искоса взглянув на подругу.

Торонто был для Каусар городом призраков. Каждый год, собравшись с духом, она решала навестить дочь и внучек. И всякий раз, после того как Хасан уже успевал обо всем договориться, Каусар отменяла поездку. «Нет, лучше весной. Или летом, когда у Малихи

[1] Канадская писательница в жанре детектива.

и Физзы каникулы. В Рамадан, когда мы сможем вместе разговляться».

Потом у Хасана обнаружили рак, и речь о поездке уже не заходила. А теперь Сана — ребенок, никогда не доставлявший матери ни малейшего беспокойства, — находилась под подозрением в совершении убийства.

Каусар вознесла краткую дуа[1]: «Пусть все это окажется недоразумением». Чтобы ее Сана могла совершить акт насилия? Это немыслимо. Чтобы дочь оказалась в тюрьме — это вообще за гранью возможного. Самым неожиданным событием, связанным с ее дочерью, было прошлогоднее решение Саны открыть бутик модной восточной одежды. Но этот бизнес вполне подходил ее организованной и стильной дочери. Торжественное открытие магазина состоялось прошлой осенью, мать на нем не присутствовала.

— Я могу приехать через несколько дней, — предложила Мэй, прервав мысли Каусар. — На случай, если тебе понадобится помощь.

— Спасибо. — Каусар улыбнулась подруге. — Но я заказала обратный билет через неделю. Я уверена, что произошла какая-то ошибка. Кроме того, ты сейчас нужна Дженни.

— Откуда ты знаешь? — недоуменно спросила Мэй, затем усмехнулась. — Я понимаю, почему Сана в первую очередь позвонила тебе. Она знает: мама сможет вычислить, что на самом деле произошло, — возможно, даже раньше тамошних полицейских.

Каусар с улыбкой покачала головой.

— Думаю, она просто хочет, чтобы мама была рядом.

---

[1] Молитва, личное обращение мусульманина к Аллаху.

— Все равно, меня каждый раз поражает, когда ты узнаешь о моих детях что-то такое, чего я еще не знаю.

— Я очень рада за Дженни, — осторожно сказала Каусар. — Хотя в прошлый раз мне показалось, что ей немного не по себе.

Судя по всему, Мэй не была готова обсуждать в подробностях проблемы своей младшей дочери, а потому торопливо сменила тему.

— Что ж, буду ждать новостей. Значит, справишься сама?

Каусар бросила взгляд на свою объемистую черную кожаную сумочку, куда перед тем уложила две маленькие фотографии — на одной они с Хасаном в день свадьбы, почти сорок лет назад, на второй — неугомонный озорник с дерзкой улыбкой, ее младший сын Али, навсегда оставшийся пятнадцатилетним...

— Иншаллах, — ответила она. Мэй не нужно было объяснять это универсальное слово, которое переводится с арабского как «на все воля Божья», но может означать и «надеюсь», и «постучи по дереву», и «вашими молитвами».

Мэй въехала на небольшую автостоянку муниципального аэропорта имени Джека Гарленда — воздушные ворота в отдаленные районы Северного Онтарио и в сам город. С тех пор как Каусар впервые оказалась здесь, аэропорт почти не изменился.

Когда Хасан понял, что жене нужно сменить обстановку и уехать из Торонто, он связался со старым знакомым из канадской армии, а тот навел справки на базе 22-го крыла Канадских ВВС в Норт-Бее. Эта база когда-то была оживленным центром североамериканского командования воздушно-космической обороны,

следившим за действиями Советского Союза во время холодной войны, да и теперь продолжала отслеживать все самолеты, прибывающие в Северную Америку. Оригинальное здание с подземной штаб-квартирой, способной выдержать прямой ядерный удар, было чудом инженерной мысли. В 2006 году база была выведена из эксплуатации и переехала в более компактное современное здание, но сокращение финансирования привело к резкому уменьшению численности военного персонала. В результате 22-е крыло стало единственной базой канадских ВВС без самолетов. Но в расположенном рядом городке требовался врач, и Хасан получил эту работу. Они с Каусар переехали, оставив Адама и Сану в Торонто заканчивать университет, а Али — в месте его последнего упокоения. Как ни больно было расставаться с детьми и городом, который успел стать ей родным, Каусар понимала, что выжила только благодаря переезду в Норт-Бей.

Они купили маленький дом. Хасан сразу же погрузился в медицинскую практику: лечил армейских ветеранов, пенсионеров и прочих жителей городка, включая растущую мусульманскую общину. Каусар проводила дни в хлопотах по дому, ходила в библиотеку, занималась садоводством, пытаясь как-то прийти в себя после утраты сына. Прошел почти год, прежде чем она смогла вставать с постели раньше полудня, и еще год, прежде чем она научилась испытывать простые житейские радости без примеси чувства вины. Но мало-помалу им с Хасаном удалось создать некое подобие новой жизни.

На похороны Хасана собрался почти весь городок; морозильник у Каусар был забит поминальными угощениями, которые она не могла заставить себя съесть.

Мэй свернула на парковку у входа в аэропорт. В это время дня на стоянке было пусто. Она взяла с заднего сиденья небольшой бумажный пакет и протянула его Каусар. В нем лежал блокнот с ярким узором из желтых, фиолетовых и оранжевых цветов на лоснящейся обложке из искусственной кожи.

— Чем-то напоминает твой садик, — объяснила Мэй. — Мои ученики считают, что век бумаги прошел, но мне всегда приходится что-нибудь записывать. Этот блокнот поможет тебе в расследовании, тетушка-детектив.

Каусар когда-то рассказала подруге о принятых в их культуре почтительных обращениях: каждого взрослого человека называют тетей или дядей, даже если ему всего тридцать лет; настоящим же кровным родственникам присваиваются специальные титулы в соответствии с их ролью в семье. Этот обычай умилил Мэй, и она стала называть себя «тетушкой-учительницей», а иногда «измученной тетушкой». А Каусар она скоро стала в шутку звать «тетушкой-детективом».

— Я не детектив. — Каусар растроганно улыбнулась, глядя на подарок. — Я просто замечаю некоторые вещи.

— Значит, это блокнот для заметок. — Мэй вложила подарок в руку подруги и, помолчав, нерешительно спросила: — Как ты узнала про Дженни?

Когда Каусар укладывала подарок в сумочку, у нее возникло такое сильное ощущение дежавю, что закружилась голова. Словно она уже переживала этот момент — то ли в другой жизни, то ли во сне. *Я просто замечаю некоторые вещи.*

— Мне запомнилось, как она любила всякий фастфуд во время предыдущей беременности. А недавно я видела ее в продуктовом магазине: она взяла две

бутылки сальсы и три пакета чипсов. Я буду молиться за нее и за ваше счастливое число тринадцать.

По лицу Мэй пробежала тень, и Каусар засомневалась, что правильно истолковала ситуацию. Хасана то забавляли, то раздражали ее «фокусы», как он их называл. Каусар совершенно непроизвольно замечала в поведении, облике и словах людей то, чего не замечали другие, а затем подытоживала свои наблюдения. Для нее это было так же естественно, как дышать. Например, заметив, что рукав местного имама немного испачкан в чем-то ярко-оранжевом, она поняла, что у него сейчас гостит сестра, которая прекрасно готовит домашний ачар чатни[1]. А много лет назад она без всяких расспросов узнала, что ее восьмилетнюю дочь дразнят в школе. Но не всем нравилась ее наблюдательность. Когда Каусар попросила имама передать приветствия его сестре, он удивился и даже насторожился. То, что ей казалось естественным, окружающие — даже собственные дети — считали бестактной назойливостью. В конце концов она начала просто копить свои наблюдения в уме и изображать удивление всякий раз, когда кто-нибудь делился с ней давно известным ей секретом.

С Мэй все было по-другому. Обычно подруге нравились ее «заметки». Но на сей раз что-то пошло не так. Каусар решила потом созвониться и узнать, все ли в порядке: может быть, в жизни Дженни происходит не только долгожданная беременность, а что-то еще.

— Прошел всего год с тех пор, как умер Хасан, — начала Мэй, снова меняя тему. — Я знаю, что время на самом деле не лечит боль утраты. Но, несмотря на

[1] Острый индийский соус.

печальные обстоятельства, я рада, что ты едешь в Торонто. Ты так долго здесь у нас пряталась... — В глазах подруги были сочувствие, понимание — и не только. Мэй в одиночку растила четверых детей после того, как от нее ушел муж — уехал куда-то на нефтяные месторождения Альберты. Чтобы прокормить семью, она работала учительницей в старших классах, репетиторствовала, преподавала в летней и вечерней школах. Лишь несколько лет назад, выйдя на пенсию, она позволила себе немного расслабиться. — Жизнь еще не кончена, не забывай об этом. Тебе всего пятьдесят семь. Это твой второй акт. Все в твоих руках. — Мэй достала из багажника дорожную сумку Каусар.

Подруга желала ей добра, но Каусар воспитывалась в другой культуре. Она вышла замуж за Хасана в семнадцать лет, вскоре после окончания средней школы в Хайдарабаде. Ему было тридцать два, он успел отслужить в канадской армии и стать врачом. Хотя его родители переехали в Канаду, когда Хасан был еще ребенком, они хотели женить его на девушке «с далекой родины» и организовали помолвку через общих знакомых. Дата бракосочетания была назначена после двух коротких встреч, во время которых беседовали только их отцы, а молодые лишь застенчиво переглядывались. Несмотря на разницу в возрасте и нежелание ее родителей отправлять единственную дочь в Канаду, согласие было получено: у семьи Хасана сложилась очень хорошая репутация. Кроме того, редко можно встретить врача, который не просит за невестой большого приданого.

Но самой Каусар все же нелегко было выходить замуж за совершенно незнакомого мужчину. Хасан оказался добрым человеком, и со временем их связала

настоящая крепкая любовь, не угасшая после нескольких десятилетий брака, рождения троих детей и даже тяжелой утраты сына. И все же Каусар всегда знала свое место: она жена и мать, ее мир ограничивается домом, детьми и социальными приличиями. Для друзей она оставалась миссис доктор Хасан Хан, а достижения и личность мужа сливались с ее собственными.

Каусар понимала, что живет в достатке, и ни на что не жаловалась. Когда дети пошли в школу, она выучилась на психолога на вечернем отделении. Она знала, что никогда не будет работать по специальности, но училась с удовольствием. Идея начать жизнь заново во «втором акте» могла показаться привлекательной таким людям, как Мэй. Каусар же полагала лучшим, на что теперь имеет смысл надеяться, несколько десятилетий тихой спокойной жизни. Мечты, в которых она боялась признаться даже самой себе, — о приключениях, интригах, о том, чтобы внести свой вклад в общество самостоятельно, а не только в качестве жены и матери, — давно рассыпались в прах.

Каусар подхватила свою сумку и обняла Мэй.

— Перья уже подняты, и страницы высохли, — процитировала она известную мусульманскую поговорку.

Мэй недоверчиво покачала головой.

— Я не знаю, что это значит, Каусар Хан. Но жизнь больше, чем сидение дома в одиночестве в окружении призраков и воспоминаний.

Глава 2

Рейс задержали на час, и все это время Каусар не находила себе места. Неужели Сану арестовали? Где она сейчас — в тюремной камере? Нужны будут деньги для выхода под залог? Каусар понятия не имела, как работает канадская система уголовного правосудия: ей не приходилось сталкиваться с ней лично. Все ее знания по этому предмету были почерпнуты из американских и британских детективов.

В прошлый раз, когда семье пришлось иметь дело с полицией, всем занимался Хасан. Каусар тогда была не в состоянии разговаривать с полицейскими, адвокатами, следователем и названивавшими репортерами. Но Хасана уже нет, а Сане нужна помощь.

Внимание Каусар привлекла цветастая обложка подаренного блокнота. Она вынула его из сумки и раскрыла на первой странице. Вверху аккуратным почерком Мэй написала: «Расследование Каусар Хан» — а заглавные буквы в имени и фамилии

украсила завитушками. Каусар улыбнулась неуемному оптимизму подруги.

Они познакомились, когда Мэй еще преподавала историю в местной средней школе. Знакомство переросло в дружбу. Вскоре Мэй случайно обнаружила необычайную наблюдательность Каусар, и та помогла ей разобраться с несколькими школьными кражами, одним случаем плагиата и еще один раз, когда понадобилось выяснить, кто из троих близнецов — подростков с криминальными наклонностями — совершил проступок.

«У каждого из нас есть своя сверхспособность, — как-то сказала Мэй. — Я могу мотивировать нерадивых учеников и интересно преподавать подросткам историю Канады. А ты рождена, чтобы раскрывать тайны».

Наконец объявили посадку. Каусар показала стюардессе свои водительские права; та внимательно посмотрела на фото, сравнивая его с лицом пассажирки. Каусар регулярно продлевала права, хотя не садилась за руль со дня смерти Али.

Очередь на такси в аэропорту Торонто была небольшой. Вежливый водитель — судя по виду, земляк — умело вывел машину на оживленное шоссе 401, ведущее на восток к Скарборо, пригороду, где жила Сана.

Рамадан давно закончился, и уже сейчас, в конце апреля, в Торонто повсюду виднелись признаки начала строительного сезона. Городской пейзаж запестрел подъемными кранами, а высотные многоквартирные дома со стеклянными фасадами тянулись к небу, как секвойи, соперничая за лучший вид на бурлящий жизнью мегаполис.

Такси свернуло с шоссе на центральную улицу. Каусар не отрываясь смотрела на заполненные людьми

тротуары; кто-то ждал автобус, родители везли в колясках маленьких детей, кучками стояли подростки; многие из прохожих чертами лица напоминали ее саму.

Уверенно проехав по узким улочкам плотно застроенного пригорода, водитель остановился перед большим двухэтажным особняком и выскочил из машины, чтобы помочь пассажирке достать сумку. Каусар вручила ему щедрые чаевые.

Нашарив в сумочке ключи от дома Саны, Каусар пошла по подъездной дорожке. Когда Хасан был здесь в последний раз, Сана вложила эти ключи ему в руки. Каусар помнила тот восторг, с которым он рассказывал, что дочь попросила его считать этот дом своим. В некотором смысле так оно и было — отец выплатил большую часть его стоимости.

Дом был большой, с подъездной дорожкой на три автомобиля. Из просторной прихожей, где Каусар разулась, дверь вела в большую гостиную с потолком на высоте семи метров и с окнами во всю стену, через которые лился, радуя душу, яркий солнечный свет. Дом казался безлюдным, но вскоре послышался шум быстро приближающихся шагов.

— Амми. Ты приехала, — проговорила Сана и бросилась в объятия матери.

Поначалу Каусар растерялась. Почему Сана дома? Всю дорогу она переживала, что дочь допрашивают в полицейском участке или держат под стражей. Сана объяснила, что вернулась всего пятнадцать минут назад, а затем повела мать в просторную кухню открытой планировки — с хромированной фурнитурой, белыми мраморными столешницами и обширным кухонным

островком. Каусар остановилась на пороге, любуясь свободным пространством, оформленным в минималистском стиле Саны. Все сверкало и выглядело ухоженным и дорогим.

— Следователь по этому делу не хотел меня отпускать, но я сказала, что муж в отъезде и за детьми некому присмотреть, — объяснила Сана, усаживаясь на отливающий хромированным блеском, но на вид не очень удобный барный стул — ноги у нее не доставали до пола.

В свои тридцать шесть лет Сана была красавицей с большими темными глазами, окаймленными густыми ресницами. Нос у нее был с горбинкой, как у Хасана, но в остальном черты лица почти полностью повторяли материнские: губы с легким изгибом, густые темные брови, безупречная смуглая кожа. Лицо Саны с годами округлилось, фигура чуточку раздалась и, на взгляд Каусар, стала больше соответствовать высокому росту дочери, который Сана даже подчеркивала, отдавая предпочтение обуви на высоких каблуках — хотя у нее имелась и обширная коллекция изысканных традиционных туфель, украшенных вышивкой и блестками. Она любила нарядные добротные вещи и часто носила блузки с брюками из хлопка, льна или шерсти, даже когда ходила по делам или готовила ужин. Ее страсть к порядку распространялась на весь дом — в раковине не было ни одной грязной тарелки, на столе после завтрака не осталось ни пластиковых контейнеров, ни липких пятен.

Сегодня Сана была в яркой, вышитой золотом оранжево-голубой курте[1] и таких же брюках-капри. Блузка

[1] Традиционная длинная туника с вышивкой.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Джалалуддин Узма

ТЕТУШКА-ДЕТЕКТИВ

Ответственный редактор *А. Волкова*
Литературный редактор *А. Миро*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Л. Петрова, М. Топеха*
Верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.09.2026.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,27.
Тираж 2000 экз. T-HVC-37136-01-R. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА»
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербор,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: https://certification.atticus-group.ru/.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+